

Людмила Свирская

Поэт. Родилась в 1973 году в г. Алматы (Казахстан). После окончания школы переехала в Барнаул (Алтайский край), где окончила факультет филологии и журналистики Алтайского государственного университета. С 1999 года живет в Праге. Преподаватель русского языка и переводчик. Автор восьми стихотворных сборников. Имеет публикации в журналах и альманахах: «Сибирские огни», «День поэзии», «Литературная газета», «Алтай», «Сибирск», «Волга XXI век», «Европейская словесность», «Чайка», «Золотое руно» и др. Член Союза российских писателей. Стихи переводились на украинский, чешский, английский и испанский языки. Финалист и призер литературных конкурсов: «Эмигрантская лира», «45-я параллель», «Фонарь», «Русский Гофман». Победитель поэтического конкурса «Пушкин в Британии» (Лондон, 2018). 2-я премия конкурса «Образ» (Москва, 2021), лауреат конкурса «Балтийский гамаюн» (Вильнюс, 2023).

Стихи из Праги

Вшеноры¹

Дуб — как храм у дремлющей горы.
Царственные, вечные Вшеноры.
Снег не тронут — будто с той поры...
Из того февральского минора
Тянется фермата тишины,
И — на вздохе — горестное имя...

¹ Деревенька под Прагой, где долгое время жила семья Марины Цветаевой. Там родился ее сын Георгий (домашнее прозвище — Мур).

Оттого ль сугроб одной вины
С каждым годом все непроходимей?

Здесь ни ямб не ведом, ни хорей —
Только скалы в сумерках да рощи,
Но в краю, далеко от морей,
Ей, морской, всегда дышалось проще:
Сын гулил, писался «Крысолов»,
Падал снег на замершие клены.
Пел рассвет — оранжево-лилов —
Для нее — отчаянно-влюбленной...

Теплый дом. Уютный, как тогда.
Пирамидкой — сонная беседка.
И о русской пани иногда
Вспоминает старая соседка.
Белым полем — будто реку вброд —
Перейду я медленно и хмуро:
Вдруг в снегу покажется вот-вот
Погремушка маленького Мура?

Зальцбург

Город белый, зеленый, цветной,
Настоящий, журчащий, звенящий,
На полдня приоткрыл надо мной
Свой украшенный золотом ящик.
Я над городом этим парю.
Распластала огромные крылья,
Возвращаясь к тому январю
И младенцу у Анны-Марии.
Юный Вольфганг, единственный сын,
Еле выживший, поздний и зыбкий,
Счастлив, если звучит клавесин
И еще обязательно — скрипки.
Здесь легко заблудиться в веках,
В перемешанных сказках и былях...
Сзади горы — стоят в париках,
Припорошены облачной пылью.

Рождение сына

Я помню этот день в конце апреля:
Дышать мешало небо — кверху дном,
Все лампочки во мне уже горели,
Как светофоры в городе родном.

Сын, узник мой, на волоске от воли
Ты рвался в мир, где вьюги и ветра,
Где спутаны дизель и бемоли,
Восторг и ужас, завтра и вчера...

Как удержать мне память-повитуху —
Одну на всех — за белую полу?
Во имя сына... и святого духа...
Бил многоточья ливень по стеклу...

И вновь рассвет — сквозь прорези тумана,
И роскошь пустоты блаженной... длись...
Просторен вздох... Мы оба — сын и мама —
В миг этот бесконечный родились.

* * *

Июль, как переметная сума:
От ливня к зною — скучная интрига.
Напротив лета — вечная зима
Ждет своего, решительного мига.

Не говори: нет смысла в синеве
И дождике — в разгаре летней ночи...
Раздавленные ягоды в траве
Лежат и, умирая, кровоточат.

Я соберу их все и наварю
Варенья, пусть и горького, на зиму...

А лето кружит голову мою,
И хочется любви невыносимо.

В нору забилась старенькая осень,
 Понабросала листьев, как лисят.
 Друзей уносит. И врагов уносит.
 Лет в сорок восемь или пятьдесят
 Привыкнешь к одиночеству и даже
 К естественной, необходимой тьме...
 Час лишний в теле осени — не кража,
 А просто приближение к зиме.

Предзимье не пугает. Но тревожит.
 Любви так глупо хочется — твоей:
 Ведь здесь, у нас, пока одно и то же:
 Чай в термосе и шарфик до бровей.
 Вернусь домой — и шницели пожарю,
 Потом окно помою — столько дел!
 А кто-то там раскручивает шарик,
 Чтоб в звездную крапиву улетел,
 А по пути — непоправимо треснул,
 Утаскивая всех нас в темноту...

И я лечу, лечу со всеми вместе,
 Дожаривая шницель на лету.

Поросенок Ниф-Ниф

Нас на этом свете только трое.
 Старший брат цеплялся, как репей,
 Дом кирпичный предлагал построить...
 Я — Ниф-Ниф, который всех глупей,
 Говорю: быстрее — из соломы,
 Потому что рвется прочь душа...
 Не могу сказать, что я бездомный,
 Просто мне хватает шалаша.
 У меня есть стол, кровать и кружка,
 И прохлада в летнюю жару...
 «Здесь с тобою рай», — моя подружка
 Мне шепнула как-то поутру,
 Помня волшебство грибного супа,
 Котелок забытый на траве...

Я Ниф-Ниф, который самый глупый,
С золотой соломой в голове.

У фонтана

Фонтан — не Треви, нет — такой, как все,
У кинозала. Рядом с «Роспечатью»
Стояла я в нелепом желтом платье.
(Сказала бы, что с ленточкой в косе,
Но нет — с короткой стрижкой). У крыльца
Влюбленные, мамы с малышами
На первый взгляд друг другу не мешали...
Мне разве что. А я ждала отца.
Он в город мой приехал по делам
И позвонил, что, мол, увидеть хочет.
...Заснула я часа в четыре ночи:
Все жизнь свою делила пополам —
На «до» и «после». Вот так поворот.
Отличница-студентка, елки-палки...
Веселое «привет!» не скажешь папке:
Чужое слово больно вяжет рот...
Что рассказать, коль спросит, как дела?
А может, и не спросит: просто скажет,
Что на него похожа, или даже:
«Красивая девчонка подросла!»
Мне было восемнадцать, что ли... На
Крылечке кинозала я томилась...
Час или два... а может, год... плюс-минус...
Да я там до сих пор стою.
Одна.

Про собаку

Собака умерла. Из теплой будки
Не выползала много дней подряд.
И ночью на двенадцатые сутки
«Отмучилась», как люди говорят.
В то утро было небо серым, низким,
Холодный дождь слонялся по двору.
Осиротели голуби у миски,
И воробьи забились в конуру.
Собака умерла. Она решила
Ползти не в эту сторону, а в ту...
У будки мама хлеба накрошила:
Чуть-чуть припорошила пустоту.
Теперь осталось унести посуду
И просто тихо, молча горевать...
Тут налетели птицы. Ниоткуда:
Огромной пестрой стаей хлеб клевать.
Лист под ногой запутался бродячий:
Фонарь горячей осени погас...
Кружились птицы над душой собачьей,
За ними улетающей от нас.